

Культурно-историческая теория Л. С. Выготского: глобализация, постнеклассическая парадигма и цифровизация

Вера Анатольевна Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия, pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0992-0466>

Аннотация. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского утверждает глубинное единство психологических и социальных параметров формирования человека. Она объясняет как внутренние факторы, обуславливающие эволюцию сознания, так и социальные тенденции развития общества. Автор статьи демонстрирует роль теории Л. С. Выготского в интерпретации изменений в сознании современного человека, осуществляющихся под воздействием новых культурных орудий формирования знания, которые создаются в цифровом информационном пространстве. Автор акцентирует следующие положения Л. С. Выготского: знак функционально аналогичен орудью; культура специально создает предметы для реализации коммуникативно-сигнификативной функции; употребление знаков приводит к образованию в мозгу ассоциативных связей принципиально нового типа, которые создают новый механизм регуляции поведения человека; социальная детерминация человека осуществляется с помощью знаков; формирование и функционирование мышления зависят от средств мышления и от социально-культурного опыта индивида; становление внутренней речи осуществляется под влиянием «социализированной речи»; отмечена определяющая роль исторически развивающейся человеческой культуры в становлении и функционировании индивидуальной психики; в связи с использованием знаков характер развития человека с биологического изменился на общественно-исторический, а потому развитие человечества существенно зависит от используемых им знаков. Современные цифровые технологии активно продуцируют знаки, по сути противоположные вербальным. Их образование поддерживается процессами глобализации и ценностями постнеклассического мировоззрения. Глобализация создает стандартизованную и максимально регламентированную действительность, способствуя закреплению редупликации как социально одобряемого способа использования знания, требует пересмотра традиционных гуманистических ценностей и традиций. Постнеклассическое мышление, акцентируя у индивида чувство ненадежности и неуверенности, практически заставляет его действовать в рамках стандартных поведенческих и ментальных моделей.

Ключевые слова: Л. С. Выготский, общественно-историческое развитие, средство мышления, цифровое коммуникативное пространство, процесс образования понятий, продуктивная деятельность, функциональная неграмотность, ценностные ориентации, речь, механизмы памяти

Для цитирования: Пищальникова В. А. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского: глобализация, постнеклассическая парадигма и цифровизация // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 4. С. 52–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-52-60.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

L. S. Vygotsky's cultural-historical theory: globalisation, post-non-classical paradigm and digitalisation

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0992-0466>

Abstract. L. S. Vygotsky's cultural-historical theory postulates the underlying unity of psychological and social factors contributing to the formation of man. It explains both internal factors determining the evolution of consciousness and social trends in social development. The paper highlights the role of L. S. Vygotsky's theory in the interpretation of the changes in the modern human consciousness. These changes are caused by new culture tools of knowledge building currently created in the information space. The author emphasises the following ideas proposed by L. S. Vygotsky: 1) signs are functionally analogous to tools; 2) culture intentionally creates objects to realise its communicative-significative function; 3) sign utilization leads to the formation of fundamentally new associative bonds in the brain. Such bonds create a novel regulatory mechanism of human behaviour; 4) social determination of man is achieved with the help of signs; 5) the formation and functioning of mind depend on the means of thought and individual sociocultural experience; 6) 'socialised speech' influences the evolution of inner speech as a specific type of thinking-in-words and the logic of thinking; 7) the historical evolution of human culture plays the key role in the formation and functioning of individual psyches; 8) due to sign usage the nature of human evolution changed from biological to sociohistorical; consequently, mankind's evolution significantly depends on the signs used by individuals. Modern digital technologies actively generate signs whose nature is contrary to verbal ones. The process of globalisation and the values of the post-non-classical mindset sustain generation of such signs. Globalisation creates a standardised and maximally regimented reality, which contributes to the reinforcement of reduplication as the socially approved way of knowledge use. What is more, globalisation requires revision of the traditional humanistic values and customs. Post-non-classical thinking enhances individuals' feelings of insecurity and uncertainty, thus nearly making them act within the framework of conventional behavioural and mental models.

Keywords: L. S. Vygotsky, sociohistorical evolution, means of thinking, digital communication space, the process of concept formation, productive activity, functional illiteracy, value orientations, speech, mechanisms of memory

For citation: Pishchalnikova V. A. L. S. Vygotsky's cultural-historical theory: globalisation, post-non-classical paradigm and digitalization. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 4. P. 52–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-52-60. (In Russ.).

Введение. Говоря о вкладе Л. С. Выготского в науку, Л. Ф. Обухова горько заметила, что смерть избавила ученого от репрессий [Обухова 1996, Электронный ресурс], однако сочинения его на долгие годы были запрещены, а если учесть, что многие из них при жизни не были опубликованы, то забвение казалось неминуемым... Сейчас, когда труды Л. С. Выготского изданы на многих языках, а психологи говорят о его культурно-исторической теории как одной из самых фундаментальных, такие запреты представляются невозможными и, к счастью, бессмысленными. Особенно бессмысленными, поскольку противостоял им смертельно больной человек, проживший совсем недолгую жизнь, но жизнь гения, создавшего принципиально новое научное психологическое мировоззрение, которое и сейчас является прогрессивным и перспективным, определившим развитие психологии начиная с 90-х гг. XX в. и позволившим радикально пересмотреть соотношение социального и психического.

Более того, это новое мировоззрение позволяет исследовать психологические научные объекты междисциплинарными методами, которые современная философия выдвигает на первое место в познании,

так как именно они способны представить нам реальную сложность мира.

Взгляды Л. С. Выготского о развитии психических функций позволяют не только объяснить закономерности и «внутренние факторы» эволюции сознания, но обосновать и социальные тенденции развития общества: исследователь предлагал искать объяснение психических процессов в отношениях человека и среды, опосредованных различными орудиями, в том числе языком. Вопреки известному утверждению о том, что нет пророка в своем отечестве, мы попытаемся показать актуальную роль трудов Л. С. Выготского и их фундаментальный характер в осмыслении изменений в сознании современного человека, происходящих под влиянием новых орудий приобретения знания, которые создаются в цифровом коммуникативном пространстве, так как «изолированное изучение практического интеллекта и символической деятельности абсолютно неверно» [Выготский 2005: 18].

Обсуждение. И. Т. Касавин отмечал, что роль культуры и культурных орудий в развитии психики понимали многие ученые, но «именно Выготский сумел придать исключительное значение развитию *операций со*

знаками. Особый мир — мир знаков — вот материал, которым, по Выготскому, оперирует мышление» [Касавин 2009: 155] (курсив наш. — В. П.). Знак функционально аналогичен орудию, поэтому главным в культуре становится производство предметов, специально создаваемых для реализации коммуникативно-сигнификативной функции. В свою очередь, знаки, замещаая в мышлении материальные предметы и орудия, способствуют образованию в мозгу ассоциативных связей принципиально нового типа — таким образом возникает «новый регулятивный принцип поведения, новые представления об определяемости реакций человека» [Выготский 2005: 42] (курсив наш. — В. П.): социальная детерминация человека осуществляется с помощью знаков. Но если, как правило, говоря о сущности культурно-исторической теории, исследователи подчеркивают *орудийную* роль знаков в социализации индивида, мы хотим сосредоточиться на важности специфики *самого орудия и способов его внедрения в сознание*, актуализируя положение Л. С. Выготского о том, что «основной, несомненный и решающий факт — зависимость развития мышления от речи, от средств мышления и от социально-культурного опыта ребенка» [Выготский 1996: 115].

Сейчас не только психологи, но и социологи, историки, учителя вполне соглашались с Л. С. Выготским в том, что развитие внутренней речи как особого типа речевого мышления и логики мышления осуществляется под влиянием «социализированной речи» [Там же]; «Мышление ребенка... развивается в зависимости от овладения социальными средствами мышления» [Там же]. Для Л. С. Выготского это означает, что «изменился и самый тип развития — с биологического на общественно-исторический» [Там же: 116] (курсив наш. — В. П.), **когда культура начинает направлять и опережать биологическую эволюцию человека**. Признание этого и составляет основу методологической революции Л. С. Выготского: «...в основных чертах самый тип исторического развития поведения окажется в прямой зависимости от исторического развития человеческого общества» [Там же].

Вот почему одним из основных вопросов своей концепции Л. С. Выготский считает исследование *развития понятий*, отмечая,

что «при определении *готовых* понятий мы очень часто имеем дело не столько с мышлением ребенка, сколько с *репродукцией готовых знаний*, готовых воспринятых *определений*» [Там же: 117] (курсив наш. — В. П.). Но важно не использовать *готовое* понятие, а научиться *образовывать новое*, опираясь на соотношение «материала, на основе которого вырабатывается понятие, и слова, с помощью которого оно возникает» [Там же: 118], т. е. сделать процесс «осмысливания бессмысленного слова» основной и частотной ментальной операцией, поскольку любое понятие функционально; оно «не живет изолированной жизнью и не представляет собой застывшего, неподвижного образования» [Там же: 119]. Поэтому индивид должен обладать способностью образовывать понятие в определенных функциональных условиях в связи с определенной задачей деятельности, в том числе в процессе вербальной коммуникации. Выработка такой сложной операции возможна только при постоянном включении ребенка в поисковую деятельность, и процесс образования понятий — это всегда продуктивная, а не репродуктивная деятельность: простого установления ассоциативной связи между словом и предметом недостаточно для возникновения понятия; «само по себе заучивание слов и связывание их с предметами не приводит к образованию понятий» [Там же: 121], к созданию мышления, способного активно анализировать действительность. (Вспомним еще раз одну из главных идей семиотической теории Ф. де Соссюра: знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ.) Знак как социально-индивидуальное орудие познания и мышления только тогда выполняет свою сигнификативно-коммуникативную функцию, когда с его помощью человек способен анализировать мир и синтезировать знание. Это возможно лишь в случае, если знак является не этикеткой, указывающей на определенный предмет, а соотношением понятия как совокупности существенных признаков реалии и слова как устойчивой формы ее обозначения. В реальных познавательных и коммуникативных процессах может актуализироваться любая часть понятия, что и обуславливает принципиальное развитие и понятия, и значения слова.

Эти простые истины хорошо бы знать тем, кто вводил в нашу школу ЕГЭ и продолжает поддерживать такую форму контроля и подчинять ей процесс образования: *выбор* правильного варианта ответа как мыслительная операция не имеет ничего общего с построением осмысленной речи, которая демонстрирует способы владения знанием. Выбор ориентирован как раз на механическое запоминание *готовых* знаний и никак не проверяет степень владения этим знанием. По сути, такая форма контроля направлена на формирование функционально неграмотного человека. И это обязан знать любой человек, отвечающий за воспитание ребенка, в первую очередь родители, а там уж выбор за ними... По мнению некоторых исследователей, «проблема функциональной неграмотности представляет собой совершенно новый тип цивилизационного риска», который в нашей стране углубляется «полным сломом системы классического образования <...> направленного сегодня не на развитие когнитивных способностей, а на выработку компетенций» [Бубнова 2019: 24–25].

Мы уже исследовали некоторые нейрофизиологические причины функциональной неграмотности как следствия существования специфического знакообразования в цифровом коммуникативном пространстве, в котором используются и активно распространяются разноприродные знаки, *редуплицирующие клишированную информацию и разрушающие эволюционно сформированный механизм порождения естественного семиозиса*, основанного на вербальном знаке (см., например: [Пищальникова 2018], [Пищальникова 2019] и др.).

Нейрофизиологические изменения, закрепляющие признаки нового семиозиса, при котором варьируется форма знака, но содержание остается неизменным, осуществляют сейчас быстрее вследствие все более и более усиливающегося влияния цифровых информационных технологий. Это, с одной стороны, подтверждает мысль Л. С. Выготского о принципиальном изменении типа развития с «биологического на общественно-исторический», с другой — заставляет внимательнее относиться к самому знаку, без которого это общественно-историческое развитие не осуществляется. Поэтому, в полном соответствии

с концепцией Л. С. Выготского, необходимо исследовать социально-культурные факторы, в том числе цифровое информационное пространство, порождающее в огромном количестве знаки, противоположные вербальным и проявляющие тенденцию к доминированию в определенных сферах информационного пространства (мемы, реклама без слов, различные формы «подарков» и пр.). При этом важно помнить: «Всякая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией; она была прежде социальным отношением двух людей» [Выготский 1960: 197]. Отсюда следует, что если культура одобряет распространение знаков определенного типа, они постепенно встраиваются во внутренние психические процессы и станут определять познавательные и иные мыслительные процессы.

Скорость психических процессов увеличивается за счет воздействия специфического ряда обстоятельств. Цифровое информационное пространство активно создает «нового» человека, обнаруживающего новые ценностные ориентации. Они направлены на отрицание любых требований социума к личности, любого психологического напряжения индивида, вплоть до отказа от личностной непосредственной коммуникации, которая, как известно, требует самых больших энергетических затрат по сравнению с другими типами деятельности человека. Необременительная интернет-коммуникация, безличностная, безымянная, не предполагающая обязательного соблюдения морально-этических норм и тем более норм языка, часто бессмысленная и направленная лишь на выплеск агрессии говорящего, — словом, не требующая от индивида никакой личной и социальной ответственности, становится все более распространенной.

Философы и социологи отмечают, что глобализация, «усредняющая» формы познания действительности и принципы бытия, одновременно направлена не столько на создание универсальных ценностей, сколько на противостояние наций и социальных групп. При этом активно формируется общее ощущение дисгармонии с миром, реализующееся в разных формах:

от отказа от личностной коммуникации и ухода в виртуальное общение до усиления немотивированной агрессии людей. Решение проблем одних народов за счет ресурсов других как одна из определяющих тенденций глобализации порождает усиление эгоцентризма и связанных с ним ценностных ориентаций на усвоение/отрицание этнических констант — принципов и идеалов бытия, различных социальных норм. Этот процесс активен еще и потому, что в условиях глобализации происходит деформация представлений об этничности, эклектическое смешение культур, быстро утрачиваются связи с национальными традициями, что приводит к формированию новых ценностей транснациональной культуры. (Роль цифрового информационного пространства в этом процессе — особый вопрос, который исследуется в разных аспектах.) Высказываются радикальные суждения о том, что картина мира современного человека формируется на основе личного опыта только на 10–15 % — все остальные знания, в том числе мировоззренческие, черпаются в виртуальном информационном пространстве.

В. С. Степин, отвечая на вопрос о системе ценностей, формирующихся в условиях глобализации, связывает их с техногенной цивилизацией, в развитии которой «решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций» [Степин 2009, Электронный ресурс]. Одновременно актуализируется ценностно значимое и социально одобряемое представление о человеке как активном деятеле, преобразующем и подчиняющем природу как ресурс и противостоящем социуму; утверждается идеал свободного и равного в правах со всеми другими человека. В. С. Степин считает, что «техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь» [Там же], с одной стороны, обеспечивая новое качество жизни и внедряя соответствующие ему этические и социально-политические идеи, с другой — приводя к экологическому и антропологическому кризису,

благоприятный выход из которого невозможен без «изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов». Однако философ говорит и о возможности «менее благоприятных и просто катастрофических» путей развития общества, когда «процессы глобализации будут протекать не как равноправный диалог культур, а как активное одностороннее воздействие современных западных ценностей и идеалов потребительского общества на другие культуры» [Там же], что повлечет за собой усиление кризиса.

Р. Адольфи рассматривает глобализацию как некий гиперсубъект общественно-исторического процесса, как «агент без лица», который создает новую действительность — *стандартизованную и максимально регламентированную*. (Это еще более способствует нейрофизиологическому закреплению редупликации как способа получения знания и пользования им.) Глобализация как метафизическое историческое мышление приводит к пересмотру традиционных гуманистических ценностей и традиций, к пересмотру таких понятий, как «культура» и «идентичность» и даже отречению от них на основе противопоставления «эффективно — неэффективно», «успешно — неуспешно», а не «хорошо — плохо»: «В связи с глобализацией под вопросом оказывается все наше прошлое мышление и осмысленность общества, морали и политики, а также модели и идеальные представления, с помощью которых мы понятийно схватывали до этого “действия”, общественные “институты” и рациональные “нормы”» [Адольфи 2010: 53].

Радикальная деструктуризация картины мира не может не привести к негативным последствиям как для индивида, так и для социума: «Относительно единые структуры, в которых мы когда-то ориентировались, и то, на чем в основном базировались нормативно интегрированные связи, вдруг оказываются все более спорными» [Там же]. Р. Адольфи призывает «не поддаваться идее, кажущейся реальной действительностью... и не выбрасывать за борт испытанные социально-научные понятия: политическая власть, общество, гражданское общество, экономика, картина мира, ценностные и идейные убеждения» [Там же: 52]; избегать обобщения в историческом отношении; исследовать конкретные

глобальные изменения, «и в особенности те изменения, которые заново и в обостренной форме поднимают вопрос о ценностях и нормах (новое сознание времени)» [Там же: 53]. Философ считает глобализацию как метафизическое историческое мышление потенциальной угрозой «естественному» человеческому мышлению, вслед за теоретиками постмодернизма полагая, что «новая огромная реальность пересилит критическую рефлексию, реальность, которая сама при этом становится действующим и требующим субъектом. Это грозит такой ситуацией, в которой истоки (реальные причинно-следственные связи) и отблеск мысли будут заменены местами, а стороны перепутаны» [Там же: 54].

Новое мышление порождает чувство ненадежности, неуверенности, которое приводит к поискам неких стабильных опор в жизни и, в частности, к распространенным и одобряемым способам деятельности (к той же редупликации, например: к повторению кем-то полученного и одобренного знания без мук встраивания его в собственную ассоциативно-вербальную систему).

Одновременно снижается личная ответственность за свою деятельность; отсутствие ответственности и напряжения характеризует познавательную деятельность субъекта, который все чаще получает сведения с помощью поисковой системы компьютера, которая, увы, не только не способна сформировать у индивида необходимые *способы обработки информации*, но и препятствует такому формированию, поскольку даже определенные этапы порождения речи в работе с поисковой системой не являются обязательными (см. об этом: [Степыкин 2020: 160]). Отсюда прямой путь к функциональной неграмотности, подкрепляемый развитием транзактивной памяти. И дело даже не в том, что часть информации хранится вне человеческой памяти, а в том, что изменяется принцип ее устройства: «в мозге вся память записана в той же самой структуре межнейронных синаптических связей, которая одновременно является и грандиозным вычислительным устройством»; «мы помним... теми же самыми нервными клетками» [Марков 2013: 88], которые одновременно и на базе памяти осуществляют другие ментальные операции. Иначе говоря,

память — одна из когнитивных функций мышления, без которой невозможно полноценное осуществление и других функций. Сознательно (!) сокращая объем своей памяти, человек постепенно, но неуклонно сужает качество и количество сигналов, которые мозг может обработать.

Возможно, мы относились бы к дарам эволюции, одним из которых является память, с большим пиететом и осторожностью, если хотя бы приблизительно представляли ее нейрофизиологическую основу и последствия грубого вмешательства в работу мозга. Эрик Кандель, американский нейробиолог, лауреат Нобелевской премии 2000 г., вместе со своими коллегами Полом Грингардом и Арвидом Карлссоном показал, что основным в механизме памяти является изменение работы синапса как места связи, контакта между нервными клетками, через которое осуществляется их взаимодействие («передача сигнала»). Иначе говоря, качество памяти определяется не локализацией, «местом хранения» ее в синапсе, а характером, *степенью проводимости* этого синапса. Что влияет на улучшение качества работы синапса и, следовательно, памяти? Экспериментально установлено, что память не определяется самовозбуждением замкнутых нейронных цепей — только обучение приводит к усилению связи между нейронами и способствует улучшению памяти: «...взаимодействие опыта с генетическими процессами и механизмами развития определяет структуру психической деятельности»; «набор синаптических связей между двумя нейронами может видоизменяться двумя противоположными способами (усиливаться или ослабляться) под действием разных форм обучения. При этом привыкание ослабляет синапсы, а сенсибилизация и классический условный рефлекс их усиливают»; «число синапсов в нервной системе непостоянно — оно изменяется в ходе обучения» [Кандель 2012, Электронный ресурс]. Память «распределяется» по всей нейронной цепи, ответственной за определенную связь, а не локализуется в какой-то ее точке. Как образно сказал нейробиолог А. Марков, «память — это проторенные дороги в нейронных сетях. Это пути, по которым нервные импульсы проходят легче благодаря повышенной синаптической проводимости» [Марков 2013: 91].

Изменение силы, а следовательно, функций синапсов непосредственно связано с характером кратковременной памяти: чем выше чувствительность синапсов, тем лучше эта память. Чувствительные (= находящиеся в процессе постоянной работы, *обучения*) нейроны «отрачивают новые окончания, приобретают новые связи, усиливают старые», но «если многократно вызывать у нервной системы привыкание, то нейроны, наоборот, втягивают имеющиеся окончания, а их связи становятся неактивными» [Кандель 2012, Электронный ресурс], что и было доказано в экспериментах, которые подтвердили «постоянные изменения соматосенсорной коры головного мозга в результате обучения сначала у обезьян, а затем и у человека» [Там же]. Значит, качество долговременной памяти зависит от анатомических изменений, которые возникают только в процессе обучения. Таким образом, лишая себя огромного количества связей, встроенных в ассоциативно-вербальные сети, всеми силами облегчая свою память с помощью компьютерных устройств, мы сами ухудшаем и разрушаем ее. Отказ от работы с большими, ассоциативно развернутыми текстами, неумение вычлени в них главное — это следствие сознательного отказа развивать, по сути, различные связи между нейронами как необходимый базис для памяти, способной обеспечивать не только бытийное существование индивида. Как показал тот же Э. Кандель, достаточно и трех нейронов для возникновения памяти, но памяти моллюска...

Следствие транзактивной памяти наблюдаем и в том, что, по нашим наблюдениям, треть студентов не понимает перефразированных вопросов и способна актуализировать только клишированные ответы на клишированные вопросы. Если задать сразу несколько вопросов, та же треть не воспроизведет второй вопрос после ответа на первый. Наконец, «дистант» выявил и отсутствие мотивации к работе над своей памятью у значительной части студентов, предпочитающих без напряжения памяти пользоваться «техническими возможностями» в ответах как на занятиях, так и на экзаменах. Похоже, что компьютеру передается не только функция памяти, но и функция мышления, однако «можно ли мыслить, не пользуясь собственным умом?» [Мамардашвили, Электронный ресурс].

Но самое тревожное — это все-таки феномен, который обычно называют «плохой речью», разумея под этим невозможность сформулировать мысль, правильно поставить вопрос или ответить на поставленный вопрос, запомнить формулировку заданного вопроса, неспособность охарактеризовать изложенную в тексте позицию или сопоставить ее с другими и т. д. «Плохая речь» с очевидностью демонстрирует несформированность необходимых логических операций, неспособность значительной части молодых людей к поисковой деятельности, поскольку «главной и основной проблемой, связанной с процессом образования понятий и процессом целесообразной деятельности вообще является проблема *средств, с помощью которых выполняется та или иная психологическая операция*, совершается та или иная целесообразная деятельность» [Выготский 1996: 124] (курсив наш. — В. П.). Л. С. Выготский настойчиво подчеркивает, что «все высшие психические функции объединяет тот общий признак, что они являются опосредованными процессами, т. е. ...они включают в свою структуру как центральную и основную часть всего процесса в целом употребление знака как основного средства направления и овладения психическими процессами» [Там же].

Выводы. Знак становится средством овладения социально одобряемыми формами поведения и интересубъектным знанием: «...человек рождается в среде, которая уже самоорганизована и подчинена некоторым параметрам порядка» [Хакен 2001: 298], и они репрезентированы знаками. Поэтому «когнитивная карта» индивида детерминирована не только внутренними, но и внешними факторами: индивид создает свою «когнитивную карту» в процессе коммуникации только в результате взаимодействия компонентов среды с его внутренними свойствами психики, и это позволяет считать, что «внешняя среда», «внешняя когнитивная память» имеют большее значение, «чем это традиционно признается в когнитивных науках» [Хакен, Португали 2004: 134]. Когнитивная система человека, по Л. С. Выготскому, — это процесс постоянного взаимодействия психики и среды, и вне этого процесса человек не существует. Среда, таким образом,

не является чем-то внешним по отношению к «внутреннему миру» индивида — она самым решительным образом управляет психическими процессами, встраиваясь в них, становясь их неотъемлемым элементом.

Постнеклассическая наука имеет дело с человеком, который формируется в контексте конкретной культуры. Сейчас это означает в значительной степени — в информационном поле, создаваемом современными высокими информационными технологиями и воспринимаемым как особый/единственный тип реальности. Но беда в том, что «с помощью нашей технологии мы вполне способны вызвать безумие большей системы, частью которой являемся» [Бейтсон Г., Бейтсон М. 2019: 19–20]. Если эволюционный прорыв в мышлении связан со *средством* мышления, от него же, вероятно, зависит и ментальная деградация человека. Но у нас еще есть время остановиться и подумать, в какой степени и необходимо ли растворяться в современных цифровых технологиях: «...операция употребления знака, стоящая в начале развития каждой из высших психических функций, по необходимости носит в первое время характер внешней деятельности. Знак вначале, как правило, есть внешний вспомогательный стимул, внешнее средство автоматизации»; «...операция, превращаясь из интерпсихической в интрапсихическую, не сразу становится внутренним процессом поведения. Она долгое время продолжает существовать и изменяться как внешняя форма деятельности, прежде чем уйдет окончательно внутрь» [Выготский 2005: 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адольфи Р. Эпоха глобализации и проблема гуманистических ценностей // *Философия и социальные науки: Научный журнал*. 2010. № 1. С. 51–55 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/bitstream/123456789/7959/1/pages%20from%20ph%26ss_2010-1.%2051-55pdf.pdf (дата обращения: 31.01.2021).
2. Бейтсон Г., Бейтсон М. К. Ангелы страшатся. М.: АСТ, 2019. 340 с.
3. Бубнова И. А. Функциональная неграмотность: неучтенные риски или запланированный результат? // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2019. № 17. С. 23–31.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Лабиринт, 1996.
5. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; ЭКСМО, 2005. 1136 с.
6. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций: из неопублик. трудов. М.: АПН, 1960. 500 с.
7. Кандель Э. Р. В поисках памяти / пер. П. Петрова. М.: Астрель; Corpus, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://bookap.info/book/kandel_v_poiskah_pamyati/gl17.shtml (дата обращения: 31.01.2021).
8. Касавин И. Т. О семиотическо-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л. С. Выготского) // *Эпистемология & философия науки*. 2009. Т. XXI, № 3. С. 152–167.
9. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. Беседа восьмая [Электронный ресурс]. URL: <https://mamardashvili.com/archive/lectures/thinking/bm08.html> (дата обращения: 29.01.2021).
10. Марков А. В. Эволюция человека: в 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: АСТ; Corpus, 2013. 512 с.
11. Обухова Л. Ф. Детская (возрастная) психология. М.: Российская педагогическая ассоциация, 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9E/obuhova-l-f/detskaya-voznrastnaya-psihologiya> (дата обращения: 09.03.2021).
12. Пищальникова В. А. «Эффект бабочки»: трансформация знака в массмедиа как когнитивная проблема // *Когнитивные исследования языка*. 2018. Вып. XXXV. С. 158–164.
13. Пищальникова В. А. СМИ как деструктивное информационно-коммуникативное пространство // *Русский язык в школе*. 2019. № 80, № 6. С. 32–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-6-32-42.
14. Степин В. С. Глобализация, динамика культур и поиск новых ценностей [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/globalizaciya-dinamika-kultur-i-poisk-novykh-cennostej/html> (дата обращения: 29.01.2021).
15. Степыкин Н. И. Ассоциативное поле вежливый: динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида // *Science for Education Today*. 2020. Т. 10, № 2. С. 151–166.
16. Хакен Г. Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности / пер. с нем. Ю. Данилов. М.: PerSe, 2001. 350 с.
17. Хакен Г., Португали Дж. Синергетика, междуровневые нейронные сети и когнитивные карты // *Синергетика и психология. Тексты*. Выпуск 3. Когнитивные процессы: учеб. пособие / У. Дж. Фриман и др. М.: Когито-Центр,

2004. 416 с. [Электронный ресурс]. URL: https://vuzdoc.ru/128828/psihologiya/modelirovanie_kognitivnyh_protseessov#303937 (дата обращения: 29.01.2021).

REFERENCES

1. Adolfi R. The era of globalization and the problem of humanistic values. *Filosofiya i social'nye nauki: Nauchnyi zhurnal = The journal of philosophy and social sciences*. 2010. No. 1. P. 51–55 [Electronic resource]. URL: https://elibrary.bsu.by/bitstream/123456789/7959/1/pages%20from%20ph%26ss_2010-1.%2051-55pdf.pdf (accessed: 31.01.2021). (In Russ.).
2. Beitson G., Beitson M. K. Angels are afraid. Moscow: AST, 2019. 340 p. (In Russ.).
3. Bubnova I. A. Functional illiteracy: unforeseen risks or planned results? *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti = Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*. 2019. No. 17. P. 23–31. (In Russ.).
4. Vygotsky L. S. Thinking and speech. Psychological research. Moscow: Labyrinth, 1996. (In Russ.).
5. Vygotsky L. S. Psychology of human development. Moscow: Meaning; EHKSMO, 2005. 1136 p. (In Russ.).
6. Vygotsky L. S. The development of higher mental functions: from unpublished works. Moscow: APS, 1960. 500 p. (In Russ.).
7. Kandel E. R. In search of memory. Transl. from Engl. Petrova P. Moscow: Astrel'; Corpus, 2012. 735 p. [Electronic resource]. URL: https://bookap.info/book/kandel_v_poiskah_pamyati/gl17.shtm (accessed: 31.01.2021). (In Russ.).
8. Kasavin I. T. On the semiotic-communicative theory of consciousness (in the development of Vygotsky's L. S. ideas). *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & philosophy of science*. 2009. Vol. XXI, No. 3. P. 152–167. (In Russ.).
9. Mamardashvili M. K. Conversations about thinking. Eighth Conversation [Electronic resource]. URL: <https://mamardashvili.com/archive/lectures/thinking/bm08.html> (accessed: 29.01.2021). (In Russ.).
10. Markov A. V. Human evolution. In 2 book. Book 2: Monkeys, neurons and soul. Moscow: AST; Corpus, 2013. 512 p. (In Russ.).
11. Obukhova L. F. Children's (age) psychology. Moscow: Russian pedagogical association, 1996. 372 p. [Electronic resource]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/O/obukhova-l-f/detskaya-vozrastnaya-psihologiya> (accessed: 29.01.2021). (In Russ.).
12. Pishchalnikova V. A. Butterfly effect: Transformation of sign in mass media as a cognitive problem. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive studies of language*. 2018. Iss. XXXV. P. 158–164. (In Russ.).
13. Pishchalnikova V. A. Mass media as a destructive information and communication space. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2019. Vol. 80, No. 6. P. 32–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-6-32-42. (In Russ.).
14. Stepin V. S. Globalization, dynamics of cultures and search for new values [Electronic resource]. URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/globalizaciya-dinamika-kultur-i-poisk-novykh-cennostej/html> (accessed: 29.01.2021). (In Russ.).
15. Stepykin N. I. Associative field of the concept 'polite': dynamics of psychologically relevant content in speaker's lexicon. *Science for Education Today*. 2020. Vol. 10, No. 2. P. 151–166. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2002.10>. (In Russ.).
16. Haken G. Principles of brain functioning. Synergetic approach to brain activity, behavior and cognitive performance. Transl. from Engl. Danilov Yu. Moscow: PerSe, 2001. 350 p. (In Russ.).
17. Haken G., Portugal J. Synergetics, interlevel neural networks and cognitive maps. *Freeman W. J. et al. Synergetics and Psychology. Texts. Iss. 3. Cognitive processes: textbook*. Moscow: Kogito-Center, 2004. 416 p. [Electronic resource]. URL: https://vuzdoc.ru/128828/psihologiya/modelirovanie_kognitivnyh_protseessov#303937 (accessed: 29.01.2021). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вера Анатольевна Пищальникова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 20.03.2021; одобрена после рецензирования 30.03.2021; принята к публикации 19.05.2021.

The article was submitted 20.03.2021; approved after reviewing 30.03.2021; accepted for publication 19.05.2021.